
ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ М.М. РУБИНШТЕЙНА

© 2009 г. Л.Ф. Баянова

Кандидат психологических наук, доцент, декан факультета социальной педагогики и психологии Бирской государственной социально-педагогической академии, Республика Башкортостан; e-mail: balan7@yandex.ru

Приводятся основные биографические сведения и факты творческого пути Моисея Матвеевича Рубинштейна (1880–1953) – одного из отечественных психологов первой половины XX века. Выделены и проанализированы три этапа использования им диалектического метода в теории творческого антропоцентризма, в трактовке взаимодействия субъекта и мира.

Ключевые слова: диалектический метод, взаимодействие человека и мира, субъект, творчество, культура.

В философской и социологической мысли России первой трети XX века проблема взаимодействия человека и мира определилась как одна из приоритетных, трансформировавшихся в дальнейшем в проблему субъекта и культуры. Общее направление этих исследований связано с преобразованием ее гносеологического смысла в онтологический. Сама проблема возникла из противопоставления человека и мира в рамках гносеологического анализа познающего мир субъекта. С.Л. Франк в известной работе “Душа человека” в 1917 г. пишет, что “проблема человека возникает как общефилософская проблема живого и непосредственного субъекта, соотносительного миру эмпирической действительности” [19, с. 24]. Познающий мир субъект в своей объективации теряется в этом мире, что приводит к угрозе самосохранения субъектности человека. Для философской мысли тех лет возникает необходимость трансляции проблемы субъекта и мира из гносеологии в онтологию. В книге “Я и мир объектов” Н.А. Бердяев четко обозначает необходимость такой трансляции. “Человек, – пишет он, – был превращен в субъект гносеологический лишь по отношению к объекту, к объективированному миру и для этой объективации. Вне же этой объективации, вне стояния перед бытием, превратившимся в объект, субъект есть человек, личность, живое существо, само находящееся в недрах бытия” [4, с. 51]. Этот перенос для Бердяева очевиден. Он пишет, что “вся безысходность теории познания, которая противопоставляет субъект объекту, познание – бытию, в том, что она изымает субъект из бытия и объективирует бытие” [там же, с. 59].

Важнейшее значение для всей последующей гуманитарной мысли имел не столько перенос проблемы взаимодействия субъекта и мира из гносеологии в онтологию, сколько возникновение психологического понимания этого взаимодействия. Переход с гносеологического на онтологический, а затем и на психологический уровень анализа стал возможным благодаря использованию диалектического метода, направленного на выделение противоречий в анализируемых явлениях. Становление психологического уровня трактовки взаимодействия субъекта и мира наиболее отчетливо проявилось в творчестве М.М. Рубинштейна. Именно диалектика как метод исследования взаимодействия субъекта и мира позволил ему выделить психологический аспект данной проблемы.

Моисей Матвеевич Рубинштейн малоизвестен современной психологической общественности страны, хотя он является автором многих трудов в области гуманитарного знания, написанных в начале прошлого века. Биография и судьба ученого представляют несомненный интерес, поскольку несут в себе отпечаток тех сложных переломных лет в истории России, с которыми совпали годы жизни и работы этого ученого.

М.М. Рубинштейн родился 28 июня 1880 г. в селе Захарове Верзнеудинского уезда Забайкальской области Восточной Сибири. Обучался он сначала дома, а затем в уездном училище и в Иркутской губернской гимназии, которую окончил в 1899 г. В том же году поступил в Казанский университет, но в 1900 г. уехал в Германию, где в течение двух лет изучал естествознание в

Берлинском университете, позже перешел на философский факультет Фрейбургского университета в Бадене и специализировался у Риккерта – основателя баденской школы неокантианства. В 1905 г. Рубинштейном защищена докторская диссертация на тему “Логические основы философской системы Гегеля (1770–1831) и вопросы философии истории” [22]. В графе “образовательный ценз” биографической анкеты им указано следующее: “магистрант Московского университета (1912 г.), доктор философии Фрейбургского университета в Германии (1905 г.)”. Особого внимания заслуживает тот факт из архивных записей, что в графе “специальность” им указана “педагогика и философия”. Действительно, все годы своей профессиональной деятельности ученый очень активно работал на поприще образования. Так, с 1909 по 1918 гг. он преподавал на Высших женских курсах, основанных В.А. Полторацкой, а годом позже начинает вести занятия и на Московских педагогических курсах имени Тихомирова. С 1912 по 1918 гг. преподает также в Московском университете. С 1911 года он – действительный член Московского психологического общества при Московском университете.

В истории старейшего университета Восточной Сибири – Иркутского государственного университета – имя ученого значится в должности его первого ректора. В мае 1918 г. по директиве наркома просвещения А.В. Луначарского Рубинштейн выезжает из Москвы в Иркутск для создания там госуниверситета. Сам ученый в анкете указывает следующее: “В 1918 г. был вызван Иркутским культурно-просветительским отделом при городском управлении для основания университета в городе Иркутске”. Несмотря на сложные политические условия гражданской войны и военной интервенции в Восточной Сибири, шла напряженная работа местной интеллигенции по организации университета. И вскоре он был открыт, а его ректором стал М.М. Рубинштейн. Однако в 1920 г. он по собственному желанию освободился от должности, а по поручению Сибнархоза осенью 1920 г. основал Восточно-Сибирский педагогический институт, который уже через год слился с университетом. При этой реорганизации создается педагогический факультет, деканом которого был назначен Рубинштейн.

В 1923 г. М.М. Рубинштейн возвращается в Москву, где работает в институте педологии и дефектологии, на Высших педагогических курсах Московского высшего технического университета, в университете Шанявского и в ряде других вузов. Рубинштейн был действительным

членом Германского философского общества “*Kantgesellschaft*”. В 1927 г. он был включен в методическую комиссию по педагогическим высшим учебным заведениям при Отделе вуз Наркомпроса¹.

Краткий анализ творческой биографии ученого показывает, что круг его интересов был многогранен, а сфера деятельности весьма широкой. Начав с философии, он в дальнейшем переходит в область педагогической психологии. В предисловии к работе “О смысле жизни” он пишет об этом следующее: “Естественная сама по себе дума над жизнью и миром нашла себе решительное подкрепление в моем интересе к педагогике” [12, с. 6].

В первый германский период творчества Рубинштейном были опубликованы три философские работы, относящиеся к анализу творчества Гегеля и Риккерта. Затем, по возвращении в Россию, он сосредотачивается на исследованиях проблем педагогики и психологии. Переломным моментом его фактического “ухода” от философской проблематики личности в сферу педагогики и психологии стал 1927 г. Вначале возникли трудности с опубликованием работы “О смысле жизни”. Она вышла с пометкой “Издание автора”. Позже было отказано в публикации его объемного труда “Теория образования. Очерки”. И хотя имелось решение о публикации данной работы Издательским советом Высших педагогических курсов при Московском Высшем техническом училище, ее так и не опубликовали. Проблема личности была ключевой в творчестве Рубинштейна. Развивая данную проблему в своих философских работах германского периода, он приходит к идее творческого предназначения человека в культуре. После 1929 г. Рубинштейн прекращает свои исследования проблемы человека и культуры и публикует работы, не характерные для его главной проблематики. Это публикации по стахановскому движению [11], по обучению шоферов на тренажерах [10] и т.п. И только через много лет выходит работа, посвященная воспитанию читательских интересов школьников [7].

Сохранившиеся в архиве Института психологии РАН дневниковые записи Рубинштейна последних лет жизни отражают чувства горечи и одиночества. Он с грустью называет себя “человеком не у дел”. От полного отчаяния ученого спасает мысль о творчестве и возможности тво-

¹ Фактологический материал по биографии М.М. Рубинштейна приводится по материалам Российского государственного архива литературы и искусства [17].

рять как единственном источнике жизненных сил личности и ее свободы. В архивных записях октября 1952 г. Рубинштейн многократно повторяет идею диалектики развития личности как субъекта культуры: “По Шопенгауэру, истинным символом природы всегда и во всем считается круг. Да, но не для индивида, тем более для человека. Удивительно: берут какой-нибудь один изолированно-отвлеченный признак и на этой основе легко устанавливают “круг”. А человек уходит, и он уже никогда не вернется! Полное игнорирование того, что человек не только есть, но он и творит себя, свою сущность, и его существование не исчерпывается одной природой. Поэтому он и не может не страшиться небытия” [9]. Рубинштейн говорит о своем философском мировоззрении как “о теории творческого антропоцентризма – теории творчества сущности” [12, с. 6].

В первую треть XX века философско-психологическая мысль в России была сосредоточена на переосмыслении диалектики Гегеля относительно понимания личности, поскольку этот вопрос предполагает оценку взаимодействия человека и мира. Начав свое научное творчество с исследования диалектики Гегеля, Рубинштейн на протяжении многих лет, вплоть до переломного для себя 1927 г., сохранял интерес к диалектике и личности. К диалектическому методу Рубинштейн обращался трижды. Отношение к нему менялось по мере развития взглядов ученого на личность и ее взаимодействие с миром. Условно мы выделяем три этапа использования диалектического метода в научном творчестве М.М. Рубинштейна.

Первый этап – *аксиологический*, где мир рассмотрен как система ценностей; второй – *гносеологический*, на котором мир выступает как объект познания человека; третий *психологический*, когда человек исследуется во взаимодействии с миром, как субъект, творец, создающий культуру. Следует отметить, что на всех этих этапах Рубинштейн предпринимает попытки использования диалектического метода для раскрытия механизмов взаимодействия человека и мира.

На первом этапе в рамках диссертационного исследования и в германский период Рубинштейн выступает в оппозиции к панлогизму Гегеля, сопровождающейся резкой критикой возможности использования диалектики как метода исследования личности. Рубинштейн назвал этот метод “насильником”, разрушающим ценность личности. Одна из его работ, откровенно направленная против диалектического метода, называлась “Система ценностей в учении немецкого философа Гегеля (1770–1831) и обесцененная личность”

[21]. Он предпринимает попытку “положить конец всей недоговоренности и неполноценности данной теории” [8, с. 81]. Для Гегеля существует саморазвивающаяся система ценностей, названная им “абсолютным духом”. Данное развитие аксиологического мира подчиняется диалектической логике, ценности развиваются по известной схеме “тезис–антитезис–синтез”. Они развиваются, отрицая друг друга, но сохраняясь в мире, поэтому мир есть движение неисчезающих ценностей, стремящихся познать абсолютный дух. Анализ диалектического метода, используемого при оценке личности, проведен Рубинштейном в 1909 г. в работе “Идея личности как основа мировоззрения”. “Центр его тяжести, – пишет автор, – лежит в мысли, что прогресс совершается с естественной необходимостью и из противоречий” [там же]. Данная работа, первоначально названная “Социализм и индивидуализм”, потом, как отмечает сам автор, была переименована по цензурным соображениям. В ней Рубинштейн говорит о том, что социализм, оценивающий человека как продукт влияния среды, является “прямым наследником Гегеля” [там же, с. 83].

В диалектике Гегеля Рубинштейна привлекает идея созидания ценностей через противоречие. Он называет концепцию Гегеля о созидании ценностей “фатальным оптимизмом”. Как это ни парадоксально, но именно в системе ценностей Рубинштейн усматривает фатальную гибель личности. Он пишет: “Казалось бы, что в системе ценностей, тем более при ее резко выраженном культурно-историческом характере должна была бы найти себе место основная ценность культурной и исторической жизни, ценность личности или ценная личность. Но мы встречаемся здесь с обратным явлением: этой ценности в Гегелевской системе нет места” [там же, с. 88]. Таким образом, в данном случае Рубинштейн видит ограниченность диалектического метода в его использовании Гегелем.

Рубинштейн принимает у Гегеля его противопоставление природы и духа, анализ категорий через их противопоставление, особую логику развития ценностей на основе противоречий. Камнем преткновения в диалектике немецкого философа для Рубинштейна становится то обстоятельство, что Гегель рассматривает личность в системе ценностей, но сама личность не представляется как ценность, она остается *вне творения ценностей*. Разработанный Гегелем диалектический метод распространялся только на оценку абсолютного духа как мира ценностей, что собственно и было чистой феноменологией, не предусматривающей

активность человека в отношении данных ценностей. Поэтому Рубинштейн с целью показать субъектное начало человека выделяет категории субъекта и объекта и далее переносит эти категории в область гносеологии.

На втором этапе обращения к диалектическому методу Рубинштейн, определяя категории субъекта и объекта, пишет: «Субъект – это “Я”, а объект есть “не Я”. Есть текущая пара я и мир ... Как только мы резко отрываем членов этой пары друг от друга, мы вступаем на путь уже затуманенной коренной ошибки. Философия может переносить центр тяжести в “Я” или мир, но не отрывать их друг от друга совсем» [14, с. 8]. Для ученого “смертный философский грех” – отрыв человека от мира. Он стремится найти условие самосохранения личности, поскольку в рамках гносеологии субъект, вобравши в себя весь объект, теряет свою субъектность. Познание не обеспечивает сохранения субъектности человека как самоценности. Выступая против гносеологического противопоставления субъекта и объекта, Рубинштейн указывает, что “взятые отвлеченно субъект и объект неизбежно превращаются в свою противоположность: субъект, очистившись от всего возможного и невозможного, вместе с тем, как основной принцип выведения, вбирает в себя все и утрачивает свой характер субъекта” [там же, с. 14].

На третьем этапе обращения к диалектическому методу Рубинштейн в качестве синтеза противопоставления человека и мира, объекта и субъекта предлагает ввести категорию “культура”. Культура соединяет в себе и мир, и личность, определяя их неразрывную взаимообусловленность. В поисках источника самосохранения субъектности человека, составляющей по Рубинштейну “глубокую увлекательную правду”, он выделяет в качестве основных категорий “творчество” и “культуру”. Ученый обращается к идее Фихте о “самополагании личности” и в работе “О смысле жизни” высказывает следующую мысль: “Каждое животное есть то, что оно есть; только человек изначально – ничто. Тем, чем он может быть, он должен сделаться... и сделаться сам собой, своей свободой; я могу быть только тем, чем я себя сделаю. ... На этой высоте открылись сами собой, как логическое следствие, новые перспективы: человек-личность выступает перед нами в роли основной творческой мощи, создателя сущности мира” [13, с. 72]. Для Рубинштейна становится очевидным значение развития в диалектике, так несправедливо отвергнутого им при первом обращении к анализу категории

личность. Он снова и снова повторяет мысль о “живой силе” личности и мира, о взаимодействии этих двух непрерывно развивающихся начал. Как показывает анализ произведений, написанных Рубинштейном с 1923 по 1927 гг., он возвращается к диалектике как методу познания личности. Более того, диалектика становится для него единственной инструментальной возможностью раскрытия понятия личности через ее взаимодействие с миром. Движение противоречий как источник развития следует искать не в мире и не в личности. Изолированно эти две системы не имеют источника своего развития, поскольку все развитие, вся диалектика находятся в пространстве их взаимодействия, в создаваемой личностью культуре. Мир для Рубинштейна сходен с его пониманием у Гегеля. В мире, по его мнению, действительно существует непрерывно развивающаяся система ценностей, каждая из которых возникает из диалектики тезиса и антитезиса, однако генезис системы ценностей принципиально иной, не имеющий аналогии с гегелевским абсолютным духом. Ценности творит личность, и ценности творят личность: “Личность, – пишет Рубинштейн, – несет в себе творческую мощь, и эта творческая мощь выявляется в двух направлениях: в росте и обогащении самой личности и в росте и обогащении мира” [14, с. 30].

Понимание взаимообуславливания субъекта и мира для Рубинштейна стало возможным благодаря обращению к категории “культура”. Мир – результат творения человека. В этом смысле мир не естество, а искусственное образование – культура. Рубинштейн предлагает четыре точки зрения, применимые к человеку: “Эти четыре группы свойств составляют принадлежность человека к четырем сферам фактического существования: природы, индивидуальности, социальных образований и той идейной сферы, которую мы в собственном смысле могли бы называть культурой” [там же, с. 26]. Наряду с тем, что человек – детище природы, для Рубинштейна важно подчеркнуть, что он – “сочлен культуры в том отношении, что он причастен в большей или меньшей мере к той идейной массе, где даны самосознание, ценности, цели, задачи, добро, истина, красота, святость и т.д.” [там же, с. 30]. В культуре удерживается идея мира, сотворенного человеком, но мир не есть объект воздействия человека, он есть субъект, воздействующий на человека.

Сфера культуры – последняя из указанных Рубинштейном сфер существования человека – становится предметом исследований философа

с конца двадцатых годов. Эти исследования нашли свое логическое завершение в неопубликованной работе “Теория образования. Очерки” [16]. Ни панлогизм Гегеля, ни гносеологическое противопоставления “Я” и мира не обеспечивают, по мысли ученого, самосохранение субъектности личности, его деятельностную сущность, превращающую мир в себя, в “свое очеловеченное существование”.

В рукописи, датированной 10 декабря 1924 г., Рубинштейн вновь обращается к Гегелю и пишет: “Человек – продукт культуры, это не первобытная непосредственность, а то, что Гегель называл “опосредствованная непосредственность” [9]. Он обращает внимание на то, что в диалектике Гегеля противоречие не эмпирично, осуществляется вне опыта человека, автономно от него. *Рубинштейн ставит сложнейшую философскую задачу, которую называет “великим трагическим вопросом” – обнаружение факта сопричастности человека и мира через доказательство субъектности личности, ее активного начала, “живой силы”, творящей ценности мира.* Диалектика понимания личности у Рубинштейна выходит за рамки диалектики Гегеля для того, чтобы возвысить и показать живую сущность личности, выражаемую в творениях культуры: “Переноса центр тяжести в культурные ценности, мы не выходим за пределы принципа абсолютной ценности личности. Личность остается самоцелью, потому что культура есть продукт всех индивидуальностей, их коллективное благо. Его продукт и он сам и духовно, и физически представляют эту культуру, т.е. творя ее, он творит самого себя, потому что культурные продукты живы только через личность и в личности, т.е. в ее духе” [8, с. 31].

Диалектическая по своей сути психология Рубинштейна, оценка им человека как субъекта в мире природы и культуры с середины 20-х гг. нацеливает его на раскрытие противоречия “естества и культуры”. Для Рубинштейна ясно, что “культуре правомерно может быть противопоставлено только естество” [16, с. 1–77]. “Человек, – пишет он, – начал с естества, с материи, с бессмыслицы и может подняться до высоты культуры, претворенного естества, самодовлеющих ценностей, вечности, сущности и абсолюта, сохраняя свое право на индивидуальность и даже обязуясь осуществлять ее. Так и естество, и культура гармонично сливаются в нем в один императив: естество заставляет его стремиться развивать все свои задатки полно и глубоко, культура и смысл принимают его не только как факт, но они венчают это положение безусловным велением:

будь везде на своем месте и действуй, и твори так, как только можешь ты ... естество и культура – соединившись – объединяют на творчестве сущности гармонично все существо человека, его разум, чувство, волю” [13, с. 262]. Отсюда он выводит основную задачу педагогики – “воспитание культурно-творческой силы” [там же, с. 264].

Неопубликованная работа Рубинштейна “Теория образования. Очерки” посвящена проблеме человека как субъекта, творца культуры, поскольку именно в ней он пытается определить психологический смысл культуры в ее взаимодействии с личностью. “Культура, – пишет он, – это не только совокупность всех ценностей, которыми владеет данная эпоха и которые она создает в настоящем и сохранила из прошлого, но это, прежде всего, и совокупность ее живых обработанных сил, ее запаса живых личностей” [16, с. 161]. Рубинштейн выступает против феноменологической трактовки культуры, поскольку свести культуру только к искусству, науке и нравственности, по его мнению, значит вступить в “тяжелый конфликт с действительностью” [там же, с. 174]. Субъект творит культуру, но и культура творит субъекта, “оформляет естество”. Культура как итог может, по Рубинштейну, быть определена как совокупность ценностей, но культура есть и процесс. В этом смысле культура обращена к человеку и представляет собой не что иное, как образование. “Судьбы образования – это судьбы культуры, – пишет он и поясняет, – цели культуры в общем – это созидание ценностей, обслуживающих жизнь человека, и на этом пути приобретающих частью и известное самодовлеющее значение, а образование сосредоточено на цели подготовки живой силы, способной жить этой культурой и творить ее” [там же, с. 183].

Рубинштейн ставит проблему личности и мира как проблему присвоения ребенком как существом природным пространства культуры. Он пишет: “Дети – это дикари, но всегда живущие в данных культурных условиях ... дети живут неизбежно не только своей натурой, но и всей широтой окружающей их жизни, как бы своеобразно или наивно она у них не преломлялась” [15, с. 43–44].

Обращаясь к диалектическому методу, Рубинштейн определил два существенных момента. Во-первых, он выделил мир как систему диалектично развивающихся ценностей. Во-вторых, он указал данность мира культуры естеству человека. Однако противоречие естества и культуры сами по себе не способны объяснить сущность человека как творца. Истинно диалектическое решение

проблемы личности в ее взаимодействии с миром Рубинштейну видится в противоречии необходимости и долженствования: “Личность обозначает определенное вступление на путь самоперерождения и самотворчества. Залогом этого является свобода личности. Здесь ... раскрывается новый порядок, порядок долженствования, и тому, что есть, что составляет факт, что стало как будто неизменным, и неизбежным, ясно и отчетливо противопоставляется то, чего нет, но что должно быть, – требование и осуществление выбора, возможность и простор свободы и творчества: творя и перерождая себя, личность открывает принципиально возможности творчества и перерождения природы, вовлечение естества в сферу ценностей. ... Человек находит свой смысл и закон не в том, что он есть, а в том, чем он должен быть” [13, с. 125–126]. В данном случае он вновь вступает в оппозицию к Гегелю в той части, где немецкий философ настойчиво отрицает долженствование: “Личность в гегелевской диалектической философии потеряла свою основу, так как прогресс из долженствования, из нормы в этой системе оказался замененным другим фактором: необходимым прогрессом из противоречия. И действительно, личность у Гегеля является в роли служителя, который сам того не ведая, таскает для своего господина, объективного духа, каштаны из огня” [8, с. 90]. Эта антигегелевская мысль о противопоставлении факта и долженствования была высказана Рубинштейном в начале века и имела продолжение в его работах по педагогической психологии. В одной из них, изданной в 1925 г., он прямо пишет, что “должное и фактическое не совпадают ... Примитивная жизнь не знает прямого противопоставления того, что фактически есть, тому, что должно быть; долг в этом случае как бы является сокращенной формулой для того, что есть, что установилось в медленном прогрессе; в итоге в культуре в таком же медленном процессе совершается постепенное разделение и осознание их в их противопоставлении” [15, с. 41]. Человек, по словам Рубинштейна, живет “на грани двух миров: на грани мира фактов и мира идеалов, целей, ценностей, и жизнь его тем осмысленнее, чем шире и глубже ему удастся их синтез, их претворение воедино в себе и собой” [13, с. 263]. Рубинштейн пишет о “тяготе”, без которой жизнь становится безотрадней, о “тяготе”, которая определяет “заинтересованность мира и личности друг в друге”, о том, что человек живет одновременно в мире фактическом и в мире долженствования [там же].

К сожалению, взгляды Рубинштейна, названные им *теорией творческого антропоцентризма*,

не были завершены. Его философские идеи диалектической оценки взаимодействия человека и мира нашли продолжение в теории образования. В дальнейшем он наметил развитие идеи взаимодействия субъекта и культуры в онтогенезе, выделив императивную функцию культуры, представленную противоречием между фактическим и должным. Однако данная линия анализа, оказалась в его творчестве оборванной, и в последующие годы ученый публикует работы, названия и содержания которых были далеки от заявленной им в германский период философской проблематики и соответствующего стиля размышлений.

В заключение следует отметить, что в своем обращении к проблеме взаимодействия человека и мира М.М. Рубинштейн не был ученым-одиночкой. Общее направление исследований первой трети XX века было связано с преобразованием гносеологического смысла указанной проблемы в онтологический. Если гносеологическая трактовка взаимодействия человека и мира определялась влиянием гегелевского понимания абсолютного духа как системы ценностей, раскрывающих духовность познающего абсолютный дух человека, то онтологическое – историческим контекстом социальных изменений в России начала XX века. Это нашло свое отражение в творчестве М.М. Бахтина [1], Н.А. Бердяева [3], А.Ф. Лосева [5], Н.О. Лосского [6], Г.Г. Шпета [20], С.Л. Франка [19] и др. Н.А. Бердяевым было показано, как в гносеологии человеческое “Я” противопоставляется объективному миру, и объективация познающего субъекта превращает его в мир объектов. Условием самосохранения субъекта, по мнению Н.А. Бердяева, является бытие субъекта, предъявляющее свое творчество миру – то, что он называет “оправданием творчеством” и то, что выражается в сотворенной субъектом культуре. “Итог всей мировой жизни и мировой культуры, – пишет он в 1912 г. в работе, посвященной памяти В. Соловьева, – это постановка проблемы творчества, проблемы антропологического откровения” [2, с. 371]. Созвучны взглядам М.М. Рубинштейна о “выходе из круга” следующие бердяевские строки: “Чтобы жить достойно и не быть приниженным и раздавленным мировой необходимостью, социальной обыденностью, необходимо в творческом подъеме выйти из имманентного круга “действительности”, необходимо вызвать образ, иной мир, новый по сравнению с этой мировой действительностью (новое небо и новую землю)” [3, с. 215]. О выражении субъектности через творчество пишет и С.Л. Рубинштейн, рассматривая “творчество, творческое отношение к объекту действия, как специальный

вид взаимодействия субъекта с объективным миром" [18, с. 369]. Инициированная историческим контекстом проблема взаимодействия человека и мира приобрела драматические краски проблемы выживания человека в культуре. Данная проблема была остро поставлена М.М. Бахтиным, теоретиком искусства, литературоведом, философом [1]. Она же нашла свое выражение и в творчестве Г.Г. Шпета, для которого "культурное" есть то же, что и "словесное, динамическое, диалектическое" [20, с. 50].

Анализ творчества М.М. Рубинштейна дает возможность более полно проследить переход от философского уровня рассмотрения взаимодействия субъекта и мира к психологическому. Этапы его научного творчества отражают общие тенденции развития психологической мысли первой трети XX века, когда из диалектического противопоставления субъекта и мира возникло понимание мира как сотворенной человеком культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975.
2. Бердяев К.А. Дух и реальность. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2006.
3. Бердяев Н.А. Самопознание. Л.: Ленинград, 1991.
4. Бердяев Н.А. Смысл творчества. Опыт оправдания человека. Второе издание с разночтениями и дополнениями. УМСА-РКЕ88. Paris, 1985.
5. Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат, 1991.
6. Лосский И.О. История русской философии. М.: Высшая школа, 1991.
7. Рубинштейн М.М. Воспитание читательских интересов у школьников. М.: Учпедгиз, 1950.
8. Рубинштейн М.М. Идея личности как основа мировоззрения. М., 1909.
9. Рубинштейн М.М. Материалы дневниковых записей // Архив ИП РАН.
10. Рубинштейн М.М. Методика тренировки шофера на тренажере. М.: Гострансиздат, 1-я типография Трансжилдориздата, 1935.
11. Рубинштейн М.М. На подступах к стахановскому движению во втузах. Как я работаю. (Студенты-отличники о своем методе работы). М., 1936.
12. Рубинштейн М.М. О смысле жизни. Историко-критические очерки. М.: Издание автора, 1927. Часть 1.
13. Рубинштейн М.М. О смысле жизни. Философия человека. М.: Издание автора, 1927. Часть 2.
14. Рубинштейн М.М. Проблема "Я" как исходный пункт философии. Иркутск, 1923.
15. Рубинштейн М.М. Социально-правовые представления и самоуправление у детей. М.: Право и жизнь, 1925.
16. Рубинштейн М.М. Теория образования. Очерки. Рукопись 1929 года // Архив ИП РАН.
17. Рубинштейн Моисей Матвеевич. Личное дело // РГАЛИ. Фонд № 596. Опись № 1. Единица хранения № 97.
18. Рубинштейн С.Л. Человек и мир. (Отрывки из рукописи) // Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1969. С. 348-374.
19. Франк С.Л. Душа человека: Опыт введения в философскую психологию. М., 1917.
20. Шпет Г.Г. Искусство как вид знания // Избранные труды по философии культуры / Отв. ред.-составитель Т.Г. Щедрина. М.: "Российская политическая энциклопедия" (РОССПЭН), 2007.
21. Rubinstein M.M. Das wesen der hegelschen systeme und die werteste Persönlichkeit. Von Dr. phil. M. Rubinstein. Berlin: Reuter Reichard, 1910.
22. Rubinstein M.M. Die logischen Grundlagen des hegelschen Systems und das Ende der Geschichte; Inaug.-Diss. / Vorgelegt vor Moses. Halle, 1906.

THE DIALECTICAL PSYCHOLOGY OF M.M. RUBINSTEIN

L.F. Bayanova

PhD, assistant professor, dean of social pedagogics and psychology department, Birk State Socio-Pedagogical Academy, Republic of Bashkortostan

The main biographical information and facts on creative activity of M.M. Rubinstein – one of the domestic psychologists of the first half of the XX-th century are presented. Three stages in dialectical method application for the theory of creative anthropocentrism, for interpretation of subject's interaction with the world are allotted and analyzed.

Key words: dialectical method, interaction of man and world, subject, creativity, culture.